

Генри Райдер Хаггард

Неравный поединок

Рассказы охотника

Генри Райдер Хаггард

Неравный поединок

«Public Domain»

Хаггард Г.

Неравный поединок / Г. Хаггард — «Public Domain»,
— (Рассказы охотника)

Генри Райдер Хаггард Неравный поединок

То, о чем пойдет речь на этих страницах, поведал мне старый друг Аллан Куотермэн, или, как мы его звали в Южной Африке, Охотник Куотермэн. Я услышал этот рассказ однажды вечером, когда гостил в его йоркширской усадьбе. А потом у него умер единственный сын, и горе его было так велико, что вскоре он покинул Англию, сопровождаемый двумя спутниками, с которыми всегда путешествовал вместе, – сэром Генри Куртисом и капитаном Гудом. Уехал – и канул навсегда в темные глубины Африки. Он уверял, что где-то на плоскогорье, затерянном в обширной и еще не исследованной внутренней части материка, живет белый народ. За долгую жизнь в Африке слухи об этом народе не раз доходили до него. И вот он поклялся себе, что найдет этих людей, – иначе ему не умереть спокойно. В такую вот авантюру он увлек своих товарищей, отправившихся вместе с ним; сдается мне, что они уже не вернутся никогда. Я получил от старика Куотермэна только одно письмо, отправленное из миссии в верховьях Таны – реки, впадающей в океан на восточном побережье, приблизительно в трехстах милях к северу от Занзибара. В письме говорилось, что они перенесли немало лишений, что приключений у них было предостаточно, однако они живы и здоровы, а самое главное – напали на следы, которые еще больше укрепили их надежду на то, что безумная затея приведет к «замечательному и беспримерному открытию». Боюсь, что открытие это зовется смертью, ведь письмо получено очень давно и с тех пор никто ничего не слышал об экспедиции. Участники ее бесследно исчезли.

В тот последний вечер, проведенный в доме Куотермэна, он рассказал мне и капитану Гуду, тоже обедавшему у него, историю, изложенную ниже. За обедом Куотермэн выпил два или три стакана старого портвейна, только чтобы помочь мне и Гуду добраться до донышка второй бутылки. Такое не часто с ним бывало. Все ведь знали, что он абсолютный трезвенник. Куотермэн говорил, что спиртные напитки внушают ему просто ужас, он достаточно насмотрелся, что они делают с охотниками, погонщиками и многими другими людьми, бок о бок с которыми он провел столько лет своей жизни. Может быть, потому доброе вино оказало на него более сильное действие, чем это пристало зрелому мужчине: окрасило румянцем его впалые щеки и сделало его, обычно молчаливою, гораздо разговорчивее.

Дорогой старина! Я как сейчас вижу его; вот он, прихрамывая, шагает по столовой, седые волосы стоят торчком, будто щетина, с морщинистого, желтоватого лица смотрят большие черные глаза, зоркие, как у ястреба, и кроткие, словно у оленя. Вся комната увешана трофеями его многочисленных охотничьих походов. Он мог многое рассказать о любом из них, если, конечно, удавалось его уговорить. Обычно это не удавалось: он не любил распространяться о своих приключениях. Но в тот вечер портвейн развязал ему язык.

– Ах ты зверюга! – сказал он, остановившись на миг против гигантскую черепа льва, скалившего зубы из-под длинного ряда ружей, висевших на стене над камином. – Ах ты чудовище! Вот уж двенадцать лет терплю из-за тебя неприятности и, верно, не избавлюсь от них до самой смерти.

– Расскажите нам об этом случае, Куотермэн, – попросил Гуд. – Вы много раз обещали, но так и не собрались.

– Лучше не просите, – отвечал тот, – это слишком длинная история.

– Отлично, – подхватил я, – вечер только начинается, да и портвейна еще предостаточно.

Куотермэн сдался. Он набил трубку крупно нарезанным табаком из банки, всегда стоявшей на каминной полке, и начал свой рассказ, продолжая вышагивать по комнате.

«В страну Секукуни я прибыл, кажется, в марте 1869 года. Это было сразу после смерти Секвати, я уже не помню, как пришел к власти Секукуни. Мне сказали, что люди пле-

мени бапеди привезли из глубинных районов материка огромное количество слоновой кости: поэтому в Мидделбурге я набил целый фургон товарами, рассчитывая наменьше побольше клыков. В столь раннее время года в тех местах свирепствует лихорадка, и путешествие туда сопряжено с большим риском. Однако я слышал, что на эту партию слоновой кости зарится еще кое-кто, а потому твердо решил попытаться счастья, пренебрегая опасностью заболеть. Впрочем, не очень-то я боялся лихорадки, считая, что достаточно закален постоянными лишениями.

Действительно, некоторое время все шло хорошо. Бушвелд был великолепен; кое-где его пересекали гряды холмов, там и сям виднелись гранитные копы, похожие на часовых, бдительно охраняющих эти бесконечные заросли. Но, как и полагается в марте (в той части Африки это осень), лихорадка так и косила людей, а жара была такая, словно вас сунули в раскаленную духовку. Мы спускались вдоль реки Олифантс, и каждое утро на рассвете я вылезал из фургона, чтобы осмотреть местность. Реки не было видно, в той стороне глаз различал только похожие на валы белые клубы тумана. Точь-в-точь огромные кучи ваты, наметанные гигантскими вилами. Такой туман приносит лихорадку.

Из зарослей поднимались тонкие струйки пара, как если бы там горели сотни маленьких костров. То были испарения тысяч тонн гниющих растений.

Да, местность поражала своей красотой, но красотой смерти. Все эти полосы и пятна тумана складывались в одно слово, и слово это – лихорадка.

В тот год болезнь просто свирепствовала. Помню, как я однажды собрался зайти в небольшой крааль knobнозов, чтобы достать немного кислого молока – маас – и вареной кукурузы. Еще издали меня поразила странная тишина вокруг крааля. Не слышно было ни детских голов, ни лая собак, не видно пасущегося скота. По всем признакам крааль не был заброшен, во всяком случае до самом последнего времени, и все же там было тихо, как в подступавших к нему зарослях. У самого входа в крааль из кустов опунции выпорхнуло несколько цесарок. Я, помнится, не сразу решился войти в крааль – таким опустошением веяло от него. Природа никогда не кажется печальной там, где ее не касалась рука человека; она только вызывает чувство одиночества. Но если человек прошел по местности, а потом покинул ее, она внушает глубокую грусть.

Все-таки я вошел в крааль и направился в главную хижину. Перед ней лежало нечто, накрытое старым овчинным кароссом. Я нагнулся, откинул его и отпрянул: он прикрывал тело недавно умершей молодой женщины. Я чуть было не пустился бежать, но любопытство взяло верх над страхом. Пройдя мимо умершей, я опустился на четвереньки и влез в хижину. Внутри было темно, я ничего не видел, но нос мой почуял недоброе. Я зажег спичку. Спичка была тандстикор, а потому разгоралась медленно и давала мало света. Постепенно в хижине стало светлее, и я разглядел целую семью взрослых и детей, которые, казалось, крепко спали. Внезапно спичка вспыхнула, и я понял, что все они – а их было пятеро – давно мертвы. Один из пятерых был младенец. Я поспешно бросил спичку и стал выбираться из хижины, как вдруг заметил два больших глаза, глядевших на меня из угла. Я подумал, что это дикая кошка или другое животное, и заторопился еще больше. Но тут из угла раздалось бормотание, а затем страшный вопль.

Я торопливо чиркнул еще одной спичкой. На меня глядела старуха, кутавшаяся в кусок шкуры. Я взял старуху за руку и вытащил из хижины, потому что она не могла или не хотела идти сама, а я от зловония едва не потерял сознания. Ну и вид у нее был – одни кости в мешке из черного, сморщенного пергамента. Только волосы были белые. Она казалась мертвой, жили лишь глаза да голос. Старуха, видно, решила, что я злой дух, пришедший за ней, потому она и вопила. Кое-как я дотащил ее до фургона и дал глоток капского виски, а затем влил ей в глотку полпинты бульона, который тут же приготовил из мяса антилопы гну, застреленной накануне. Старуха поразительно быстро пришла в себя. Она говорила по-зулусски, и я узнал, что она бежала из страны зулусов во времена Чаки. Старуха рассказала, что все, кого я видел, умерли

от лихорадки. Оставшиеся в живых жители крааля ушли и угнали скот, бедную старуху, беспомощную от старости и истощения, бросили умирать от голода или болезни. Когда я нашел ее, она уже трое суток просидела с мертвецами. Я отвез ее в соседний крааль и подарил старейшине одеяло, чтобы он заботился о старухе; еще одно одеяло я обещал ему, если на обратном пути найду ее в добром здравии. Помнится, он очень удивился тому, что я был готов расстаться с двумя одеялами ради никому не нужного старого существа. Почему я не оставил ее в зарослях? – спрашивал он. Как видите, эти люди доводят до логического конца учение о выживании наиболее приспособленных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.